Ай

Сергей Боровский

SHOUT
SHARE
IT

АЙ

В ту ночь Юлина подушка узнала много нового и полезного от своей юной хозяйки. Ну, во-первых, о том, что ни в какой Нью Йорк ни к какому дяде она не полетит. Последние шестнадцать лет она лицезрела его только на портрете, висевшем над комодом в спальне родителей, а до того — пару раз от силы, не больше, наяву. Чаще всего он всплывал в Юлиной памяти в размытом образе удачливого рыбака, держащего за жабры огромную щуку, хвост которой волочился по земле. Его фотографировали, а он позировал и натужено улыбался под тяжестью речного чудовища. Потом взрослые сварили так называемую уху, от одного запаха которой подступала тошнота, и заставляли бедного ребёнка попробовать «хотя бы ложечку». Она, молодец, не сдалась тогда и угощение отвергла. А ещё как-то дядя рассказал ей на ночь сказку: про людоеда и кота, который его проглотил, обманом заставив превратиться в мышь. Услышанная история повергла Юлю в некую разновидность детской депрессии, и целую неделю после этого она засыпала с капризами и только при свете. Дядю, естественно, отлучили от воспитания. Хотя, если честно, что там такого страшного было, сегодня никто и не поймёт. Во-вторых, чего она не видела в этом Нью Йорке? Небоскрёбов теперь полно и в Москве, не говоря уж о Шанхае, где Юля отметилась в прошлом году. А по сравнению с теми же лондонскими тусовками «деловая столица мира» — это, по слухам, не что иное, как Задрипинск. И зачем, спрашивается, переться в такую даль?

Но самое противное — это то, что поездка подавалась под соусом подарка за отличное окончание школы. Нет, мамочка, подарок ты делаешь себе, отправляя родную дочь куда подальше на всё лето. А вы с папулей явно намылились на какое-нибудь Бора-Бора навёрстывать упущенные медовые месяцы. Будете греть на солнышке «старые косточки», как вы сами любите выражаться, а единственное ваше чадо пропадёт в каменных американских джунглях. Это полумифическое Бора-Бора Юле было так же неаппетитно, как и Нью Йорк, но по крайней мере мучиться бы пришлось в близком ей по крови коллективе. Да ещё, может, удалось бы уговорить их взять с собой «на баланс» Игорька. При первых же мыслях о любимом с девятого класса мальчике, подушка получила новую порцию слёз.

Ранним утром полная решимости Юля закатила классический скандал с применением нечестных логических приёмов и огульных обвинений. Больше других досталось, конечно, дяде, который ни разу за все эти годы не позвонил, не написал письма, не выслал посылки с дешёвыми американскими шмотками, а теперь, видите ли, ему приспичило. Мама спокойно выслушала монолог дочери, утончила, всё ли произнесено, и потом резюмировала:

- А теперь умойся и начинай паковать чемодан.

Игорёк тоже восторга не выказал. Грозился прилететь к ней в Америку через неделю. Да какое там! Он на билет десять лет работать будет, а родители его — самый настоящий пролетариат, в худшем смысле этого слова. И помочь ему она не в состоянии.

Прощание в аэропорту получилось грустным. Все были друг на друга перекрёстно обижены: папа на маму за то, что оторвала его от домашних дел, мама — на непослушную дочь, Игорёк — на жестокий и равнодушный окружающий мир, а Юля — на всех них, вместе взятых и по отдельности, за безысходность сложившейся ситуации.

- Как долетишь, позвони, - попросила мама, и впервые за последние три недели семейных разборок в её голосе появились нежные нотки.

- Если настроение будет, - мстительно сказала Юля, но не сдержалась и обняла обоих провинившихся перед ней родителей.

Игорьку достался целомудренный выдох в щёку.

В самолёте она хотела выспаться впрок, памятуя о трудностях перехода на новое время, но ей не позволил какой-то пьяный хоккеист, предлагавший себя в качестве бонуса к её заокеанскому турне. Ни намёков, ни прямой бранной речи он не понимал и только ухмылялся;

- Ну чо ты? - шептал он, нависая над ней и размазывая ладонью по лицу слюни. - Всё будет в шоколаде. Смотри.

Из кармана его посыпались мятые зелёные купюры и бесценная российская мелочь. Пришлось звать стюардессу, которую энхээловский легионер пообещал убить тут же, на месте. Спас положение какой-то бюрократ, летевший за недвижимостью в стан стратегического врага. Он признал в хоккеисте немеркнущую звезду, и они удалились это дело отметить. Больше она их, слава Богу, не видела.

Длиннющая очередь на паспортном контроле отняла ещё часа два в дополнение к десяти часам полёта. К выходу из таможенного коридора Юля добралась в состоянии полного физического и морального истощения. Огляделась вокруг в поисках лица, знакомого по фотографии. «Он на Сергея Есенина

похож», - напутствовала мама, будто трагически погибший в прошлом веке поэт был более узнаваем. Никого. Ни Есенина, ни Маяковского. Стоял, правда, чуть поодаль человек, похожий на Пушкина, но был с табличкой в руках, значит, несвободный. То и дело приставали хорошо одетые люди с предложениями услуг извоза. Имели они на себе своеобразную печать жуликоватости, стереть которую не властно ни время, ни государственные границы, и Юля на них не реагировала. Подождав примерно полчаса, она решила выйти на улицу и взять нормальное законное такси. Звонить дяде она не будет — много чести.

Как и ожидалось, она легко нашла стоянку с будкой распорядителей и очередью из моторов, готовых к работе. Её медленно и внятно по-английски предупредили о том, что цена фиксированная, и что все попытки водителей назначить свою сумму подлежат уголовному преследованию. В качестве водителя ей достался пожилой аутентичный индус в чалме цвета Барби. Говорил он плохо, а понимал, наверное, ещё хуже, поэтому Юля протянула ему листок с заранее написанным адресом, и они тронулись.

Выбрались на хайвэй и сразу встали в пробку. Не московского типа — машины всё же кое-как двигались, по обочинам никто не обгонял, и в одной полосе по полтора авто не помещалось. Индус всё время болтал по телефону — должно быть, пытал собеседника, как проехать, поскольку навигатором в машине и не пахло. Юля прикинула, что ещё часа полтора займёт эта скучная канитель, прислонилась головой к окну и моментально заснула.

Проснулась она от резкого торможения, визга шин и последовавшего за тем крика водителя. Такси криво стояло в правой крайней полосе, а чуть впереди него, метрах в десяти, красовалась задница огромной тачки из американского детектива 70-х годов.

- Дистанцию соблюдать надо, - по-русски прокомментировала Юля.

Но тут доисторическое автомобильное корыто дало задний ход, и Юля поняла, что причины вопить нечеловеческим голосом у индуса всё же были. Обнаруживая хорошую реакцию, он резко нажал на газ, одновременно поворачивая руль вправо, забрался на травяной бугор, росший сразу за обочиной, где благополучно заглох, опять-таки в полном соответствии жанру плохого детектива. Юля обернулась посмотреть, что там происходит сзади, и увидела, как из корыта вывалился мужчина в плаще и шляпе и побежал к ним, играючи преодолевая подъём. Индус заголосил пуще прежнего и стал рвать ручку двери, которую то ли заклинило, то ли тоже свело от страха. Мужчина же быстро

добрался до задней части такси и просунул голову в распахнутое окно.

- Ну, привет! - радостно сказало лицо Есенина. - А мы тебя по всему аэропорту ищем.

Лицо тут же исчезло.

- Лиз! - закричал дядя и замахал руками. - Сюда!

Индус замер в ожидании развязки, а к ним приблизился новый персонаж — перепомаженная сверх всякой меры девушка в короткой, почти до пупка, юбке, в колготках в крупную клетку и с распущенными волосами цвета блонд, естественно, крашеными.

«Ну вот, - успела подумать Юля, выходя из машины. - Мой единственный в Америке родственник — сутенер».

Должно быть её чувства отражались на лице слишком явно, потому что дядя тут же заорал:

- Лиз, сколько раз тебя просил не одеваться, как шлюха! Ты смущаешь ребёнка.

- Извини, Ко. Забыла.

В её голосе совсем не ощущалось обиды. Она по-деловому открыла багажник такси и вытянула наружу чемодан.

- Твой?

Юля кивнула, и Лиз потащила его вниз по склону, к корыту, запаркованному даже не на обочине, а всё в той же крайней правой полосе. Колёсиками она не пользовалась — трава ведь, но глядя на то, как легко она справляется с ношей, почему-то думалось, что ей они не пригодились бы ни при каких обстоятельствах.

- Так вот ты какой, Ко! - сказала Юля.

- Э, нет! Для тебя я — дядя Боря.

Он шутливо погрозил ей пальцем, но глаза его не улыбались.

«Что за новости? - снова удивилась Юля. - Он же Сергей. Как и Есенин».

- Потом! Потом все вопросы! Вон уже полиция едет.

Он схватил Юлю за руку и поволок вниз, к корыту. Но тут напомнил о себе индус. Мысль об упущенной прибыли поборола в нём все инстинкты, в том числе, самосохранения. Он тоже выбрался из машины и стал размахивать руками, сыпля незнакомыми проклятьями.

- Заткнись! - посоветовал ему «дядя Боря» по-русски. - Скажи ещё спасибо, что не сдали тебя в лимузинную комиссию. Ты зачем, сволочь такая, петлял по городу? Счётчик накручивал? Так тебе же сказали: фиксированный тариф. Ладно, на вот.

На траву высыпалась какая-то мелочь и фантики из-под конфет.

- Ты думаешь, он тебя понял? - усомнилась Юля.

- А мне какая радость от его понимания? Аллах ему потом всё объяснит.

- Скорее, Будда.

- Я в этих тонкостях не разбираюсь. Заскакивай.

Где-то недалеко действительно засверкала полицейская мигалка. Дядя открыл заднюю дверь, а сам шлёпнулся на переднее пассажирское сиденье, не дожидаясь, когда племянница воспользуется его любезностью.

- Мы что, удирать сейчас будем?

- А чего нам удирать? - удивилась Лиз. - Мы же не преступники какие-нибудь.

При этом она, нарушая все известные Юле правила, выбралась по обочине из затора и утопила ногу в педали газа. Мотор отозвался злобным рычанием.

«Надо было у них документы попросить,» - запоздало мелькнула мысль в голове у московской гостьи.

Лиз домчала их до подъезда многоквартирного дома, когда уже стемнело. Подниматься с ними в квартиру не стала — собственно, её никто и не приглашал. Они прокатились на лифте до пятого этажа, дядя открыл ключом дверь и тут же вручил его Юле.

- Это твой. Сразу запоминай. Восьмая Брайтон Стрит, дом тридцать три, квартира восемнадцать. Код на подъезде — четыреста два.

- Лучше записать.

- Ну, запиши.

Они переступили порог квартиры, и автоматически зажёгся свет, напоминая, что они всё-таки находятся на передовом технологическом фронте. Широкая стеклянная дверь, настежь распахнутая, вела в гостиную довольно-таки большого размера. Там покоился огромный полукруглый диван, виднелся камин. Несколько других дверей были закрыты.

- Твоя спальня — крайняя дверь налево. - Дядя для верности показал пальцем. - Душ там отдельный, клозет. Или гардероб, по-вашему.

- Можно не переводить, - для порядка огрызнулась Юля.

Квартира ей понравилась с первого взгляда. И брат это мамин, кто бы он ни был, выглядел прилично, несмотря на старомодную шляпу. Только вот с возрастом его получалась какая-то неувязочка: он был старше мамы лет на пять, как она говорила, а перед Юлей стоял мужчина ну никак не более тридцати пяти.

- Разглядываешь фамильные черты? - усмехнулся он.

И ещё мама несколько раз специально повторила, что он

странный, и что обращать внимания на всякие несуразные мелочи не нужно. Пока не очень понятно, что конкретно она имела в виду. Безалаберность и невоспитанность — это не странности, а, скорее, норма современного мира.

***

Юля уснула в тот вечер молниеносно, будто в пропасть рухнула. В глубокую, если не бездонную пропасть. В тёмную и тихую, наполненную лишь вакуумом. А утром её чрезвычайно удивил тот факт, что за окном светило солнце. Ведь по идее она должна была подняться ещё затемно и проворочаться в постели до петухов, убеждая организм перестроиться на новое время. Но нет, за окном шевелился день в полном разгаре, и даже не скажешь, что слишком рано. Скорее наоборот — ближе к полудню.

Выйдя из спальни с наброшенным на ночнушку халатом, она громко позвала:

- Дядя Боря!

Никто не откликнулся, и она прошлёпала босыми ногами в зал. Никого. Может, он тоже любит понежиться до обеда на мягкой перине? Тогда она не спеша умылась, переоделась в дневной наряд и навестила кухню. Одобрительно отметив про себя размер помещения и его современный полированный вид, Юля открыла холодильник и замерла от неожиданности. Он был настолько пуст, насколько может быть пуст новый холодильник, приобретённый в магазине. В морозилке — девственная чистота. Юля потрогала пальцем полки — холодные. Нет, конечно, холостяцкий быт и всё прочее, но не до такой же степени! В шкафах, развешанных по стенам, стояла шикарная посуда, но никакого намёка на хлопья или крупы. Ни кофе, ни кофейной машины. Микроволновка стерильная, как после генеральной уборки. В кране — вода, на вкус безопасная для желудка. Вот они, странности, начинаются. Знаменитое ньюйоркское гостеприимство.

Ей пришлось слегка подкраситься и выйти на улицу. Кафе она нашла без проблем, едва выйдя на деревянные мостки набережной, на местном жаргоне называемой «бордволком». На расстоянии ста метров плескалось море. Там даже угадывались фигуры загорающих и купающихся. Эти удовольствия потом.

В кафе говорили и готовили по-русски.

- Омлет и кофе, - сказала она толстой официантке, будто бы сошедшей с экрана советского фильма о нарушениях в сфере бытового обслуживания населения.

Столы неожиданно и несовременно были застелены скатертями, что радовало, но грязными, что не очень. Кофе оказался дрянным, и омлет Юля съела только наполовину. Официантка свирепо наблюдала за ней со стула в углу — охраняла что ли? Она рассчиталась наличными, оставив доллар на чай, и подошла, наконец, к морю.

Вода наощупь оказалась тёплой и не такой мыльной, как с виду. Вечером можно будет окунуться. Пляж был заполнен не густо, а публика отличалась пестротой в смысле рас и национальностей. Ходили мальчишки, продающие мороженое. Кружили над головой чайки, в небе парил «кукурузник», где-то на уровне горизонта плыл корабль. Курорт, одним словом.

На бордволке состоялось её первое настоящее знакомство с аборигенами. Не с индейцами, однако, а с русскоговорящим дедом древних лет, с каким-то орденом, приколотым к рваному пиджачку неясного цвета и фасона. Дед находился в крайней степени опьянения, после которой наступает либо сон, либо смерть. Он излучал информацию. Сразу сообразив, что перед ним недавно приехавшая, он в общих чертах и совершенно бесплатно посвятил её в некоторые тайны брайтонской жизни. В течение буквально получаса Юля узнала, что Жора с Пятого Брайтона откинул-таки вчера кони, Танька, певичка из «Метрополя», спит теперь с Вовкой из аптеки, водку у Захарыча по утрам подавать перестали — приходится тащиться в другой конец Брайтона, к Филиппычу. Целоваться дед не лез, поэтому Юля не гнала его прочь. Но за дедом вскоре явилась его «бабка», обругала всевозможной сволочью и утащила за шкирку в родные палаты. Его место вскоре занял Алекс, лидер-гитарист из «Одессы», но этот с меркантильным интересом — ему требовалось два-три-пять-шесть долларов для улучшения самочувствия.

«Боже! - подумала Юля. - Вот почему в Москве их стало меньше. Они все здесь!»

Она подарила Алексу доллар, и он умчался радостный, на ходу крикнув, чтобы приходила к ним вечером «под бордволк».

- Я там живу! - признался он в своём падении.

Потом Юля вышла к знаменитой линии метро, расположенной над головами пешеходов параллельно Брайтон Бич Авеню. Здесь она, в перерывах между пробегающими поездами, наслаждалась одесской речью и наблюдала, как Зинка в тренировочных штанах, но всё равно стокилограммовая, пыталась докричаться до Муськи, идущей по другой стороне улицы с мужем, чтобы сообщить ей последние домашние новости. У фруктовых ларьков суетились мексиканцы, размазывали по тротуару водой из шлангов вчерашнюю гниль, мешали

сосредоточенным покупателям выбирать апельсины и яблоки.

- Вай ар ю стендинг хир? - нахамил Юле какой-то пенсионер.

Тоска смертная.

«Я здесь долго не выдержу, - опечалилась Юля. - Придётся дяденьке раскошелиться на поездку к Ниагарскому водопаду. Или на Великий Каньон. Что я, зря сюда тащилась? А не то пригрожу, что уеду домой».

Ещё стоя снаружи у дверей в квартиру, она услышала шум изнутри. Звуки доносились, характерные для разудалой вечеринки. Почти что так оно и оказалось, когда она переступила порог.

В гостиной собралось человек двадцать народу, одетого, мягко говоря, вызывающе. Выделялся клоун, у которого типичной для клоуна была только верхняя часть (нос и волосы, прежде всего), низ же его был украшен килтом — бордовой шотландской юбкой в крупную клетку. Дама в маске вороны с клювом была лишь в купальнике, причём, типа бикини. Её нисколько не смущали собственные крупные формы, и, похоже, остальным на это то же было наплевать. Вчерашняя знакомая, Лиз, видать, сделала выводы и теперь на ней красовался костюм бизнес-леди. Юбка, однако, была опять не в меру коротка. Что ж, ноги у неё зачётные, можно не стыдиться. Какой-то очкарик ботанического вида, но голый по пояс и с хорошими мышцами, стоял на стремянке и поливал собравшихся брызгами из ведра. Хохот и визг являлся подтверждением того, что всем это нравится.

«Не рановато ли для party?» - успела подумать Юля.

- Вот она где! - раздался дядин голос. - Мы её по всему Брайтону ищем. Полиция на ушах. Морги перестали отвечать на наши звонки.

- Мэрия в панике! - подхватил кто-то.

Компания устремила свои взоры на виновницу этих неприятных городских событий.

- Я чуть с ума не сошёл! - Дядя наконец-то пробрался к ней, расталкивая народ локтями. - Голодна?

- Вот что, дорогой дядя Боря. - Юля говорила громко и отчётливо, чтобы все слышали. - Или мы завтра же едем в Лас Вегас, или я звоню маме, и она забирает меня обратно.

Дядя замер перед ней с бокалом в руке, словно гусар после сообщения о начавшейся войне с французами, и все остальные притихли тоже.

- А ещё лучше, - продолжила Юля. - Пойду жить под бордволк, к Алексу.

Эти её слова, однако, произвели неожиданный эффект: кто-то закричал «ура», кто-то начал обниматься, полетели вверх

головные уборы.

- Уважаю твой выбор, - серьёзно произнёс дядя. - Но до вечера ещё далеко. Алекс там раньше полуночи не появится. Давай пока поедим и выпьем чего-нибудь.

- Я несовершеннолетняя, если ты не в курсе.

- Что за чушь? - не смутился дядя. - Как может возраст служить препятствием хорошему времяпровождению? Меня же элементарно обвинят в негостеприимстве, а это похлеще, чем спаивание малолетних. Кевин, иди сюда! - прокричал он куда-то в сторону.

Из-за дядиной спины выглянул юнец того известного типа, которые обычно бывают обделены женским вниманием: рыжий, с прозрачными рыбьими глазами, с редким пухом в районе подбородка и, в довершение всего, с прыщом на кончике носа, созревшем до такой степени, что Юле пришлось себя сдерживать, чтобы не выдавить его тут же, немедленно, невзирая на неуместность подобного действия.

- Вот, - сказал дядя. - Поручаю тебе свою племянницу. И не дай бог она хоть на секунду заскучает, я с тебя голову сниму. Ты меня знаешь.

- Не беспокойся, Ко, - не испугался нарисованных перспектив юнец. - Сделаем в лучшем виде.

И он нагло вклинился между ними.

- Могу предложить чтение «Большой советской энциклопедии», - заикаясь, произнёс он, но на чистейшем русском.

Решительно никто, ни вчера, ни сегодня, на родном американском наречии с ней разговаривать не желал.

- Я сегодня не в форме, - отказалась Юля. - Мне помнится, кто-то здесь выпить предлагал.

- Нет проблем. Не будете ли любезны пройти со мной в закрома?

«Напьюсь, - решила Юля. - Попаду в вытрезвитель. И пусть их всех потом посадят в тюрьму».

Кевин не спрашивал о её предпочтениях, а просто поднес ей запотевший бокал с торчащей из него соломинкой.

- Что это? - спросила Юля, не собираясь, впрочем, менять своего решения напиться ни при каком раскладе.

- В какой-то мере, это зависит от вас, Джули, - подчёркнуто вежливо ответил он.

- Как это? Ты же сам наливал?

- Я — лишь слепое орудие в руках ваших желаний, мэм. Хоть расплавленный свинец, хоть раствор цианида.

Более не собираясь слушать эту галиматью, Юля сделала

маленький глоток, всё же опасаясь, что напиток окажется слишком крепким для неё. Губы её непроизвольно скривились.

- Что за ерунда? Это не алкоголь!

- Одобряю ваш выбор. Незачем отравлять себя всякой гадостью, предназначенной лишь для технических нужд.

Она сделала следующий глоток, побольше, не в силах по-прежнему определить, из чего же слеплен этот коктейль.

- Киви? Персик?

- Ну нет, - возмутился Кевин. - До такой пошлости мы обычно не опускаемся.

- Тогда что?

- Не знаю. Не пробовал.

- Издеваешься?

- Помилуйте! И в мыслях не держал. Так только, легкие дружеские подначки.

- А мы уже друзья?

- Это намёк на брудершафт?

Их словесную перепалку прервал гонг. Стоявший на стремянке качок-очкарик провозгласил:

- Турнир по клеткам! Через десять минут! Победитель получает право на внеочередную аудиенцию у Архитектора.

- Ну, я их сегодня всех сделаю! - пробасил бородатый мужчина в шортах и грязной футболке с надписью: «Я родился. Чего же вам ещё?»

Юля вздохнула, допила до дня свой коктейль и повернулась к Кевину.

- Теперь ты мне расскажешь, кто все эти люди и зачем они здесь.

- Друзья. Разве это не заметно?

- А по отдельности?

- Легко. Только ты пальцем показывай, мне так удобнее будет сориентироваться.

Отбросив приличия, которым её учили с самого раннего детства, Юля ткнула пальцем в Лиз.

- Лиз, - тут же отозвался Кевин, будто сработал в его мозгу какой-то контакт. - Профессиональная труженица любовной сферы.

Ага. Значит, всё-таки первое впечатление обманчивым не было. Палец переместился в сторону толстой дамы в бикини.

- Кэтрин. Бомжует уже десятый год. Раньше пела на Бродвее у самого Фельдмана.

Кэтрин помахала им ручкой — слышала, наверное, о чём они говорили. Похоже, здесь действительно стесняться не принято.

- А это Роб, - назвал качка Кевин. - Бывший боксёр. В весе до

пятидесяти килограмм. Не убьёт, но синяков наставит — косметологу работы тыщи на три. Теперь на на такси работает. У Марика.

- А Марик у нас кто?

- Его здесь нет.

- Ладно. Дальше.

Кевин перестал трудиться гидом только после того, как прозвучал повторный гонг, и началась игра «в клетки». Двое людей садились за стол друг напротив друга и смотрели на пустую шахматную доску между ними. Ровным счётом ничего не происходило, но по истечение минут двух один из участников этого странного турнира вскакивал и победно вздымал руки. Пары менялись, но не менялась суть.

- А мне можно поучаствовать? - спросила шепотом Юля.

- Можно, но ты же ничего не видишь?

- А что я должна видеть?

- То, что должна.

- Как с коктейлем?

- Почти.

Народу в квартире прибывало. Вернее, происходила ротация. Кто-то исчезал, но появлялись и новые лица. Юля вдруг почувствовала себя втянутой в чужую глупую игру, смысл которой ускользал от неё. И объяснять никто ничего не желал.

- Хочу в музей, - сказала обиженно она. - Все равно, в какой.

Кевин с готовностью посмотрел на часы.

- Успеем, - прикинув что-то в голове, наконец, сообщил он. - Только выходим сразу, без всяких маникюров и пластических операций.

***

Поезд Q домчал их до Манхеттена за какие-то сорок минут. Там они сели на автобус и протелепались ещё полчаса в неизвестном Юле направлении. Затем прошли пешком через сквер и оказались у заброшенного с виду здания, унылого, как хрущёвка перед сносом. Табличка с надписью «Museum» на нём, однако, была, и внутри процветал порядок, а вход загораживала стеклянная будка с униформенной женщиной на посту.

- Ten bucks, - произнесла она.

Ну наконец-то, хоть кто-то заговорил в этой стране по-английски! Кевин сунул ей двадцатку и получил взамен картонные квитки. Они прошли за турникет, где коридор немедленно раздваивался, и горели красным указатели, сообщающие очень полезную для посетителей информацию, а

именно: «left» и «right».

- Нам куда? - уточнил у Юли Кевин, и она безразлично показала налево.

Крутая лестница уходила вверх, и ступенек в ней имелось никак не меньше ста. За дверями им открылся зал, полутёмный и прохладный. Угадывались ветхие стены и кое-где — подсветка экспонатов. Они подошли к первому из них.

Под стеклом лежал одинокий булыжник, покрытый зелёным мхом.

- Что это?

Юля произнесла вопрос таким тоном, что любой другой мальчик из тех, которых она знала до сих пор, немедленно принялся бы извиняться. Кевин же всего лишь приблизил своё лицо к табличке.

- Камень мостовой, - довольный, отрапортовал он. - Восемнадцатый век.

- И всё?

- По-видимому, да.

Пройдя чуть дальше вдоль стены, они замерли у куска ржавой железной трубы. Кевин, стремясь быть на шаг впереди желаний спутницы, прочитал вслух:

- Остатки водопроводной трубы. Бруклин. Конец двадцатого века.

У полусгнившей доски, сломанной пополам Юля сказала:

- Дай я угадаю. Часть забора. Двадцать первый век.

- Осечка, - злорадно сообщил Кевин. - Еда бобров штата Пенсильвания.

- Бедные животные! У них там свежего дерева нет?

- Не в этом дело, - послышался чужой голос сзади. - Наводнением унесло дом, и он застрял в бобровой плотине.

Говоривший не имел на себе униформы, из чего можно было заключить, что он — такой же посетитель. На лице его красовались пышные усы.

- Вы часто здесь бываете? - вежливо осведомилась Юля, стараясь спрятать акцент.

- Каждый день. Иногда по два раза.

- А что здесь для вас самое интересное?

- С удовольствием вам покажу. Идёмте.

У экспоната оказалось разбитым стекло, а сам он, должно быть, отсутствовал, поскольку ровно посередине демонстрационной дощечки зияла дыра.

- Символ несуществующего, - важно сообщил усач. - Автор неизвестен. Век тоже.

- Подделка! - воскликнул Кевин. - Оригинал хранится в

Лувре.

- Это в Лувре вашем подделка, - невозмутимо возразил мужчина. - А здесь и сертификат есть, и результаты экспертизы. За него «Солсби» предлагал двести миллионов.

- Фунтов? - язвительно уточнил Кевин.

- Ну, не долларов же.

Они продолжили экскурсию, осмотрев скелет городской крысы, сломанную патефонную иголку, вязаные носки сержанта армии конфедерации, зуб неизвестного чиновника, гвоздь, засохшую слюну гадюки.

«Мне это снится, - сказала себе Юля. - Этого не может быть. Музеев бессмысленного хлама, найденного на помойках мира, не существует. А если это сон, то мы сейчас в том легко убедимся».

С тех пор, как они вошли сюда, в зале народу значительно прибавилось.

- Послушайте, - обратилась Юля к одному из них, молодому парню лет тридцати. - Вы не могли бы пожертвовать для нашего музея свой глаз?

- Левый или правый? - бодро уточнил парень.

- Правый, наверное, лучше. Как ты считаешь, Кевин?

- Несомненно.

И парень сделал то, что хотела Юля — вынул глаз и протянул его на ладони, окровавленный, с шевелящимся зрачком. Что и требовалось доказать.

- Вы знаете, а я передумала. Затолкайте его обратно. Или выкиньте, если он вам не нужен.

Она даже не стала смотреть, как парень справится со своими проблемами. Вместо этого она подошла к окну и сорвала карниз, потянув за штору.

- Так больше света, - пояснила она, хотя никто на её шалость внимания и не обратил. - Кевин, не стой пнём. Помогай.

Вдвоём они быстро оголили все окна, но Юля желала большего. Взяв булыжник восемнадцатого века, она швырнула его в люстру. Он, не долетев, обрушился на витрину с обломком трубы.

- Дакось я, - азартно поплевал на руки Кевин. - Ты ещё слабенькая.

И не оплошал — перебил, наверное, изношенный подвесной механизм. Люстра грохнулась на пол, устелив пол мелкими осколками. Но Юля уже переключилась на следующее озорство: издалека, не подходя к экспонату, она принялась листать страницы какой-то книги. Потом простым дыханьем зажгла древнюю керосиновую лампу, в которой и керосина-то лет сто уже не было. Потом без помощи альпинистских приспособлений

лазила по стенам и даже висела вниз головой на потолке, пальцами ног держась за проводку. Пугало её только одно: сон никак не заканчивался.

- Кевин, - позвала она. - Я устала.

И тут же проснулась в своей постели в квартире «дяди Бори».

От сна осталась лишь легкая запыханность дыханья, и впечатления были всё ещё очень свежи и буквально «пахли» реальностью. За окном благоухал день, и этот факт теперь занимал Юлю больше других. Она что, проспала целые сутки? И на самом деле никуда сегодня не ходила? Или это завтрашний день? Но тогда где она была вчера? Ведь не в музее же?

На кухонном столе лежала записка, состоявшая всего из одной фразы: «Чувствуй себя как дома». Холодильник, заполненный до отказа, вмещал самые любимые Юлины лакомства, и полки шкафов ломились от пакетиков с орешками, сухофруктами и даже экстремально вредными чипсами. Кофе какого-то диковинного сорта она пила, вдыхая с наслаждением его пары. На всякий случай ущипнула себя за кожу на локте — не снится ли опять. Нет. Больно. Но чёрт возьми, до чего же ярким и объемным был её сон! И самое главное — когда он начался?

Стал надвигаться вечер. Юля наскоро приняла душ, переоделась и вышла на улицу.

Едва оказавшись на свежем воздухе, она поняла, что знает, куда нужно идти. Где бордволк, где авеню с грохочущими над ней поездами. А это значит, она действительно утром выходила гулять. Когда же и где её сморил сон? Подошедший гитарист Алекс вывел её из задумчивости.

- Отчитываюсь о проделанной работе, - заявил он. - Твой доллар ушёл на пиво. Добрые люди добавили ещё — хватило и на еду, и на кое-что покрепче. Так ты придешь сегодня?

- Сегодня вряд ли.

- Понимаю. Jet-leg, и всё такое.

- Да. И вообще у меня какая-то каша в голове.

- Это бывает в твоём положении.

- В моём положении? - Юля подумала, а не зацепиться ли за эти слова, но вдруг загорелась новой мыслью. - Ты моего дядю знаешь?

- Кто ж его не знает?

- А сегодня утром я разве про него тебе рассказывала? Как ты понял, о ком речь?

Алекс, кажется, растерялся от её неожиданного напора.

- Ну, это, - промямлил он. - Так ясное же дело.

Ясно ему, видите ли.

Юля, не сказав больше ни слова, оставила озадаченного

музыканта наедине с собственными мыслями и вышла к пляжу. На этот раз она пошла вдоль берега, не приближаясь к воде, пока не уткнулась в гряду камней, преградивших ей путь. На одном из них она и присела.

Неужели на неё так повлиял перелёт? И раньше случались перебои с режимом и сном, и усталость накатывалась, но чтобы такое неконтролируемое чередование яви и сна. А не лунатик ли она часом?

Волны накатывались на берег, озорно плюхались, касаясь брызгами её щёк.

А сделать сейчас нужно вот что: вернуться в квартиру и позвонить маме. Необходимость совершить полезное осмысленное действие произвело оздоровительный эффект. Она почти вприпрыжку доскакала до цели и остановилась только у телефонного аппарата — древнего такого, с большими облупившимися кнопками.

Квартира опять была пуста.

Здрасьте, приехали. А звонить-то как? Номер телефона в Москве — это пожалуйста, но как набирать отсюда? Начать с кода страны? Юля попробовала и получила в ответ сообщение автоответчика о неправильности совершаемых шагов.

Тогда она вышла на площадку этажа и нажала кнопку звонка ближайшей квартиры. Послышались шаги, чей-то глаз на секунду затмил стеклянный прибор наблюдения. Потом дверь распахнулась, и на пороге её очутилась немолодая женщина в цветастом домашнем платьице.

«Стопудово говорит по-русски», - подумала Юля.

Женщина не стала её разочаровывать.

- Что тебе, милая? - ласково спросила она.

- Я вчера из Москвы приехала. Хочу домой позвонить, а не знаю, как.

- Пойдём, я покажу, - с готовностью откликнулась женщина.

Они подошли к аппаратуру, и женщина наставительно, как на уроке биологии, сказала:

- Сначала набираешь нолик и две единицы. - Она подняла трубку и ткнула в три подряд кнопки. - Потом код страны. Семёрка?

- Да.

- И в Москве 095.

- 495, - поправила Юля. - Это новый код.

- Вместо старого что ли?

- В дополнение.

- Понятно. А дальше — сам номер. Ну, говори.

Под диктовку женщина довела своё полезное дело до конца,

но и на этом миссию завершённой не посчитала. Послышались длинные гудки родины. Юля попыталась завладеть трубкой, но женщина одними глазами приказала ей не шевелиться. Наконец, раздалось долгожданное «алло», и женщина, даже слегка приосанившись, произнесла:

- На проводе Бруклин!

- Кто?

- С вами сейчас будет говорить ваша дочь!

И передала трубку Юле, завороженно следившей за действиями телефонного оператора военного времени. Или, в крайнем случае, просто трудного.

- Мама, это я. Привет!

- Да, я уже сама въехала. Чо так поздно?

- Мама?

- Ну?

- Я тебя разбудила?

- Догадливая какая!

Юля перевела дыхание, косясь на соседку, которая никуда уходить не собиралась.

- Мама, я понимаю, что не вовремя...

Что за ерунда? С кем она разговаривает?

- У меня проблемы.

- Уже?

- Я очень плохо сплю.

- Теперь нас станет двое.

Женщина хихикнула — слышала что ли мамины слова?

- Я серьёзно. Мне сны какие-то дурацкие снятся.

- Послушай, не забивай себе и мне голову. Ты нормально доехала?

- В общем, да.

- Оболтус этот тебя встретил?

- Технически, да.

- Он сейчас один или с бабой?

Тут Юля начала злиться.

- Понятия не имею. Я его видела в общей сложности три минуты. В следующий раз, может, через год увижу. Такой ответ тебя устроит?

Соседка показала ей большой палец — знай, мол, наших.

- А хамить-то матери тебя кто научил?

Юля в сердцах бросила трубку. Соседка стояла, почти с преданностью заглядывая к ней в глаза.

- А вам что здесь нужно? Показали — спасибо. Или у вас своих дел нету?

- Да, Марья Тимофеевна, - послышался голос входившего в

квартиру «дяди Бори». - Уж полночь близится, а вы всё здесь торчите.

- Она меня сама позвала.

Игнорируя в общем-то грубое с ней обращение, соседка, казалось, думала только об одном — оправдать себя в глазах окружающих.

- И тем не менее, уже поздно. Если хотите, мы можем завтра всё обсудить с чистого листа. Приму вас без очереди.

Через минуту и след соседки простыл в квартире.

Дядя Боря с улыбкой приблизился к Юле, скорее всего, намереваясь чмокнуть в щёчку, но она резко отдёрнулась от него.

- Не смейте прикасаться ко мне! - взвизгнула она.

- Ты что, не выспалась?

- И не выспалась тоже. Я хочу объяснений.

- На предмет?

Если дядя и косил под дурачка, то очень искусно.

- Была ли сегодня днём в этой квартире гулянка?

- Гулянка?

- Да. Это когда люди собираются вместе, пьют и сплетничают. Играют «в клетки».

- Нет, ничего такого здесь не было и быть не могло. Я веду порядочный образ жизни и о репутации своей забочусь.

Он хотел добавить что-то ещё, но его прервал звонок в дверь. После необходимых манипуляций с замком дядя пропустил в квартиру давешнего типа с прыщиком на носу. На лице вошедшего не отражалось ничего, кроме спокойной застенчивой улыбки.

- Молодец, что зашёл, - похлопал его по плечу дядя. - Юля, я хочу тебя познакомить...

- Он сегодня угощал меня коктейлем, так что представлений не требуется. И зовут его Кевин, не так ли?

На лицах обоих мужчин отобразилось некоторое замешательство.

- Или мы «порюски» перестали понимать? - Юля с детства умела качественно дразниться.

Вслед за этой безобидной фразой произошло буквально следующее: дядино лицо побагровело, он резко схватил Кевина за ухо, как малолетнего мальчишку, и поволок обратно в подъезд, приговаривая на ходу:

- Ах, ты паршивец! Ах, ты подонок!

Ещё некоторое время из подъезда доносилась его ругань, потом послышался звук отъезжающего лифта, и дядя вернулся в квартиру, плотно затворив за собой дверь.

- Честное слово, я не знал! - сказал он, падая на колени перед

племянницей. - Клянусь! Я только сейчас собирался вас познакомить. Ведь тебе нужен спутник, а я всё время занят. Вот! - Он что-то вдруг вспомнил, полез в боковой карман плаща и извлёк оттуда две картонки. - Вот! Два билета в музей!

***

Они сидели в зале. Друг напротив друга. На разных диванах. Юля сжимала в руке огромный кухонный нож для рубки говяжьих костей.

- Значит, давай всё с самого начала и по порядку, - словно опытный психоаналитик, говорил «дядя Боря». - Ты принимала участие в «гулянке», по твоему собственному выражению. Вы с Кевином что-то там выпили...

- Он подмешал мне в бокал яд! И я умерла!

- Девочка моя, - с болью в голосе и без всякой иронии произнёс дядя. - Ну будь же ты хоть немного логичнее. Если ты умерла, то тебе не нужен нож, чтобы защищаться. А если нет, то обрати внимание на то факт, что я сам тебе вручил это смертоносное оружие. Для твоего же спокойствия. Режь меня — я и не пискну.

- Ты уехал в свою Америку, когда мне было два года. И ни разу даже не позвонил.

- Я виноват перед тобой. Оправдания ни в чём себе не ищу. Но поверь мне, я не мог поступить иначе. Ты поймёшь это потом, когда вырастешь.

- Дядя, а тебе случайно не кажется, что этот момент уже настал?

- Не кажется. Ты годы свои имеешь в виду, а я — готовность.

- К чему?

- Ты не готова к ответу на этот вопрос. Извини.

- Если я правильно поняла, ты мне не собираешься ничего объяснять.

- Не совсем так, детка. Но мне сначала нужно кое в чём разобраться. Уточнить кое-какие детали. Понимаешь?

- Нет.

- Ну как же! - На дядином лице отобразилась некоторая разновидность обиды. - У меня в квартире без моего ведома творится чёрт знает что, а я ни сном ни духом. Племянница с ножом. Музей хлама. Пройдоха этот, Кевин. Голову ему оторву!

- Перестань!

Чем дольше длился их бессмысленный разговор, тем дальше отступал её страх, а его место заполняла злость. Бурлящая такая, праведная.

- Мне надоели твои кривляния. И загадки надоели. Даю тебе двадцать четыре часа. - Юля сама удивилась откуда-то выплывшему ультимативному числу. - Чтобы ты собрал в кучу свои мозги и объяснил, наконец, во что я вляпалась. А ещё я хочу, чтобы ты вернул мне мою маму. Я хочу в следующий раз по телефону разговаривать с ней, а не с той женщиной, которая отвечала мне сегодня. И это не просьба, а требование.

- Исключено! - отрезал дядя. - Телефон не в моей компетенции. Она жива-здорова. Скучает по тебе. А телефон — это так, ерунда.

То есть он отпираться от своей причастности к фокусам не стал, а просто опять включил примитивного дурачка.

- Ну всё! - сказала Юля, вставая. - С меня хватит. Я лечу обратно в Москву.

- Зачем?

- Чтобы лично пощупать у неё пульс. Вызови мне такси в аэропорт.

- Такси? - удивился «дядя Боря». - И это после того, как ты собственными глазами убедилась, какие они беспринципные шарлатаны! Поистине нет предела человеческой глупости!

- Это ты обо мне?

- А здесь есть кто-то ещё? Короче, это не обсуждается: либо я везу тебя, либо ты никуда не едешь. Точка!

Лёгкость, с которой он согласился на её отбытие, настораживала, но деваться было некуда.

В том самом старом корыте они выехали на скоростное шоссе, вклинившись в плотный поток машин — даже ночью усталый Нью Йорк не собирался давать себе послаблений. Они оба демонстративно молчали, а Юля так ещё и села на заднее сиденье, подчёркивая тем самым своё исключительно официальное присутствие здесь в качестве пассажира. Мысли роились в её голове, наталкиваясь одна на другую и мешая. Мелькали обрывки событий из музея, перемежаясь с репликами гитариста Алекса, потом откуда-то выплыл таксист-индус, повернув течение мыслей в практическое русло. Юля стала размышлять над тем, как поменять обратный билет на ближайшую дату, и вдруг поняла, что едут они в аэропорт совершенно напрасно — вряд ли он работает ночью. Нужно подождать до утра.

«Ну уж нет! - тут же вскипело внутри. - Ни минуты больше в этой проклятой квартире! Где, кажется, даже стены пропитаны обманом».

«Дядя Боря» продолжал сосредоточенно рулить. И ведь наверняка знает, мелкий интриган, что едут они зря. Издевается

над ней. Хочет выставить её маленькой глупенькой девочкой. Но мы ещё посмотрим, кто кого.

- Я остановлюсь до утра в гостинице! - твёрдо произнесла Юля — пусть знает, что она прекрасно ориентируется в этом сложном человеческом мире. - В выборе места полагаюсь на твой вкус.

Дядя посмотрел на неё в зеркало заднего вида и утвердительно кивнул. Без всяких видимых эмоций. Машина, кажется, побежала немного быстрее, но уже через минуту начала притормаживать, повинуясь поведению едущих впереди. Потом скорость упала до того уровня, когда хочется пересесть на танк и обогнать эту вялотекущую массу по прилегающим к дороге холмам. В конце концов, движение встало намертво. Водители выглядывали из окон, вытягивали шеи, спрашивали друг у друга, в чём причина задержки, затем между машинами началось брожение. Курили, ругали мэра, делились последними новостями.

- Нужно быть в гуще событий, - сказал дядя и присоединился к толпе, но Юля не успела насладиться одиночеством — скоро дядино лицо возникло в её окошке, как тогда, когда он «встречал» её на шоссе.

- Полный атас! - заявил он. - На аэропорт упал метеорит. Ты прикинь! Это, конечно, нужно ещё проверить — мало ли чего болтают. Но дыма без огня не бывает. До утра здесь проторчим наверняка.

При этом он совершенно не выглядел испуганным или озабоченным.

- Опять ваши штучки? - утвердительно спросила Юля.

- Мои? Да ты за кого меня принимаешь? - Дядя стал нервно мерить шагами небольшое пространство, отделявшее их от соседней машины. - Даже не знаю, чем заслужил такое твоё отношение. Нет, я не ангел, признаюсь, но чтобы вот так.

И он решительно направился куда-то вдоль пробки. Юля настороженно проводила его взглядом, но приказала себе, несмотря ни на что, оставаться в машине и ждать развязки. За окном уже в полную силу кипела жизнь: запасливые достали провизию, чтобы подкрепиться, кто-то вытащил раскладные кресла, какая-то мамаша усаживала ребёнка на горшок, на обочине развели костёр, и через некоторое время оттуда потянуло запахом шашлыка. Появились откровенно выпившие граждане, и шум стоял, как на оживлённой городской улице в разгар дня. Затем где-то вдалеке громыхнуло, и лица граждан озарились бликами. Юля в тревоге высунула голову в окно.

Над горизонтом повисли фонтаны фейерверка. За первым

залпом последовал второй, затем третий... Мимо прошла парочка красивых девушек, обнажённых по пояс. И юбки у них были, кажется, жёлто-зеленого цвета.

«Приехали! - сказала себе Юля. - Мы в Бразилии!»

Подтверждая её слова, донеслись звуки самбы. Или румбы — кто их разберёт. Заложники хайвэя понемногу стали пританцовывать, и очень скоро всё здесь окончательно перетекло в стадию праздничного карнавала. Внутренний голос шептал Юле оставаться на месте, но любопытство в очередной раз взяло верх. Она вышла из машины, с удовольствием потянулась, разминая затёкшие мышцы. Что-то мягко приземлилось ей на голову, и она догадалась, что это венок. Зеркало это подтвердило.

Значит, она опять провалилась в сон. Вернее, в ту его разновидность, из-за которой она сегодня ругалась с дядей и хамила матери. Господи, да просыпалась ли она вообще после пересечения границы!

Пройдя с полкилометра вдоль дороги, Юля вклинилась в толпу, чем-то возбуждённую, где ей пояснили, что ожидается представление. Действительно, чуть поодаль полным ходом шло сооружение сцены. Опытные рабочие на глазах ликующей публики разворачивали переносную платформу, устанавливали стойки для прожекторов, подсоединяли длиннющие кабели. Весь процесс занял у них полчаса, не дольше. Появились музыканты, пробующие звук, и тут толпа взревела. На сцену выскочил мужчина абсолютной худобы и сразу запел. Юля не знала ни музыки, ни исполнителя, но что-то ей подсказывало, что имя его широко известно в определенных кругах.

- Кто это? - прокричала она прямо в ухо танцующему рядом парню.

Тот предсказуемо наградил её презрительным взглядом, но всё же ответил:

- Мик Джаггер, милашка!

Ну да, конечно. Слышала про него от мамы. Да ещё есть такая дискотечная песня про то, как нужно двигать собой наподобие Джаггера. Так вот ты какой, кумир 60-х. Для своих лет он двигался и пел действительно неплохо.

После первой песни, в которой он жаловался, что не может достичь удовлетворения, Джаггер взял в руки микрофон и объявил публике, что не оставит народ Америки в беде. Пока идут восстановительные работы, он и его группа будут петь. А когда их покинут силы, то за кулисами у них припасены ещё кое-какие сюрпризы.

И без того заведённая толпа пришла в сущее неистовство.

Однако время шло, а у мистера Джаггера никак не

получалось устать — он скакал, как заводной, увлекая за собой публику и партнёров по сцене. Юлина футболка стала совершенно мокрой от пота, волосы потеряли всякий намёк на прическу. Но самым интересным из всего многообразного спектра чувств было то, что ей совершенно не хотелось прекращения сна, хотя она точно знала, что это всего лишь иллюзия.

- Я не хочу просыпаться! - закричала она.

То ли она собиралась закрепить эту мысль в себе, то ли призвать в свидетели окружающих. Какой-то толстяк без верхней половины одежды показал ей большой палец. Пьяная вдрызг перезревшая блондинка истерично захохотала. А на сцену вдруг выбежал «дядя Боря». Они с Миком обнялись, словно закадычные друзья, в чём не было абсолютно ничего удивительного — ведь Алекс сказал, что дядю знают все. Не соврал, значит. Они дуэтом исполнили «Back In USSR» и что-то ещё более забористое на испанском языке.

- Это мой дядя, - похвасталась Юля тому парню, что сказал ей про Джаггера.

Ей показалось, что хвастовство такого рода здесь вполне уместно и прилично. Парень посмотрел на неё с недоверием. Впрочем, возможно и с деланным.

- Докажи! - потребовал он.

- Легко, - без обиды отозвалась Юля.

Схватив парня за руку, она потащила его за собой. Люди благодушно расступались перед ними. У самого края сцены она сложила ладони рупором и позвала:

- Дядя Боря!

Это в реальности он бы её не услышал, а тут, во сне, пожалуйста — мгновенно подскочил к ней, оставив Мика продолжать монологи и пение.

- Вот этот человек, - Юля взяла за шкирку парня. - Не верит, что мы родственники.

- Что даёт ему такое право? - откликнулся весело дядя и игриво приложил палец к губам. - Скажу тебе по секрету: он просто придуривается.

- Да?

- Уверен. Ты посмотри на него.

Юля повернула голову и обомлела — парень, чья рука была захвачена ею, превратился в того самого Кевина, голова которого покорно ожидала отрывания. И даже прыщик на кончике носа никуда не делся, а дозрел ещё больше.

***

Ночь закончилась так, как Юля меньше всего хотела — она проснулась в постели у себя в спальне дядиной квартиры. И произошло это мгновенно, как будто кто-то выдернул шнур из розетки. Значит, так оно будет всегда. Ничего не поделаешь, нужно привыкать.

В соседней комнате раздавались голоса. Впервые с момента приезда, просыпалась она не в пустой квартире. Что-то это должно было означать. Переход на какой-нибудь второй уровень что ли. Она истово надеялась, что когда-нибудь все её теперешние приключения перестанут быть для не тайной, и всё объяснится каким-нибудь рациональным образом.

Юля не стала приводить себя в порядок, а просто накинула халат и вышла к гостям.

Знакомые лица! Понятное дело, дядя здесь, тоже в халате, с «коктейлем». Лиз, одетая сегодня, как заядлая московская тусовщица, и вымазанная помадой невероятного цвета — под стать ногтям. Кевин расстарался: облачился в одежду металлиста с цепями и ржавыми блямбами, а на голове соорудил зеленый гребень. Ну, и все прочие, игравшие в «клетки», соответствовали им. И даже мужик из музея с пышными усами был здесь, и бомж-гитарист Алекс, и пьяный ветеран неизвестной войны.

- Принцесса проснулась! - крикнул кто-то, и все повернулись к Юле, приветственно замахав руками.

Что ж, если принцесса, то нате вот вам для поцелуя руку. Юля неспешно и с достоинством обошла всех по кругу, и никто не отказался припасть губами к её теплой ото сна коже. И растрёпанные волосы не мешали, и халат был в самый раз. Дядя не стал исключением, но задержал руку племянницы в своей намного дольше остальных. Его взгляд был полон обожания, показалось даже, что в нём блеснула одинокая слеза умиления.

- Дядя Боря, может хоть сегодня обойдёмся без сновидений. А то мне рассказывать подружкам будет не о чем, когда вернусь — засмеют.

- Что нам подружки, - отмахнулся дядя. - Пограничники — вот кого стоит опасаться. Но мы выпишем им справку — отстанут.

Работал телевизор, который, впрочем, никого не интересовал, но Юля краем глаза заметила, что идёт выпуск новостей, показывающий вчерашнюю катастрофу над аэропортом. Сновали рабочие, разгребающие завалы, урчала техника, корреспонденты с выпученными глазами тараторили что-то без умолку. Потом показали интервью с Миком Джаггером. Он сказал, что пожертвовал миллион на восстановительные работы.

- Меньше, чем «Солсби» предлагал за вашу пустоту, - сказала Юля пышноусому.

- Жадина! - отозвался тот. - Но поёт проникновенно.

И ещё с экрана прозвучали слова о том, что, на удивление, человеческих жертв нет. Погибла лишь одна зебра, ночевавшая на товарном складе. Юле стало ужасно жаль незаслуженно пострадавшее животное. Но тут же другая мысль пришла ей в голову: что всё можно исправить, и день сегодняшний будет именно таким, каким она захочет его видеть, и растянется он, насколько хватит фантазии. Она не будет плыть по его течению, но сама придумает его и воплотит.

- Ко, скажи честно: мы эльфы?

Пробный шар наполовину удался. Дядя проглотил «Ко» без возражений. Что же касается сути самого вопроса, то в квартире поднялся гвалт и посыпались шуточки по адресу дяди, одна обиднее другой. Будто он задурил голову бедной девушке, заморил её голодом, замучил бесполезными знакомствами с бомжами и прочими неудачниками.

- Ладно, ладно, - отмахнулся тот. - Лучше скажите, чем сегодня займётесь.

Никто не успел и рта раскрыть, как Юля произнесла:

- Давайте сходим в зоопарк.

Возникла неловкая пауза.

- Разве же это интересно — смотреть на животных за тюремной решёткой? - пробормотал Алекс.

- Вы меня не поняли, - возразила Юля. - Мы пойдём туда в виде самих животных и смотреть будем на людей. Чур я буду зеброй!

Такой нестандартный поворот дела вызвал всеобщий восторг и неразбериху. Все стали выбирать себе подходящий облик и обсуждать вид транспорта, каким надлежало воспользоваться.

- Никаких электричек! - категорично заявила Юля. - Полетим на воздушном шаре!

- В один не поместимся, - усомнился персонаж, выбравший для себя слона.

- А мы полетим туда в человеческом облике. Переоденемся на месте.

Положительно, она была сегодня в ударе. Предложение приняли единогласно, заказали по телефону вертолёт, упаковали едой и напитками парочку рюкзаков — а то там, в зоопарке, дорого. До Бронкса долетели в считанные минуты и без приключений, разве что Кевин уронил на город один из рюкзаков. Но он клялся, что сделал это нарочно, чтобы сбросить балласт, и его тут же простили.

Шар приземлился прямо на территории зоопарка — так решили, чтобы не покупать билетов и избежать ненужных

объяснений с охраной. И каждый отправился по своим делам.

Вольер с зебрами Юля отыскала быстро, зашла через калитку и «переоделась». Смотритель, мужчина лет сорока в рабочем комбинезоне, выпучил на неё глаза, пересчитал подопечных зверей и, видимо, удалился совещаться с начальством по поводу неожиданного приплода. А Юля тем временем выяснила, что зебры не понимают человеческого языка и своего не имеют. Общаться с ними приходилось только жестами и звуками, поэтому она предпочла им людей. Встав у самой сетки, она начала клянчить еду, изображая на не очень приспособленной зебриной морде различные чувства, поднималась на задние ноги, а передние копыта прикладывала к голове, будто солдат руку к пилотке. Угощения посыпались со всех сторон, хотя это и было запрещено многочисленными табличками на двух языках. Вернувшийся смотритель принялся ругаться и спорить с людьми, но они апеллировали к несчастному виду животного и продолжали нарушать правила. Смотритель бегал туда-сюда перед вольером, и Юля, не выдержав соблазна, подставила ему подножку, просунув копыто в неисправную ячейку сетки. Упавший человек посмотрел на неё, не поднимаясь с земли, и Юля увидела в его глазах ужас понимания происходящего. Ничего, вечером смоет впечатление пивом.

Дальше оставаться в вольере она не видела смысла. Тем более, что съела она очень много — не потолстеть бы. Повозившись немного со щеколдой (копыта — очень неудобная вещь для тонкой работы), Юля открыла дверь и пошла прогуляться.

У клетки с шимпанзе стояла огромная ревущая толпа, в чём не было ничего удивительного — эти милые проказники умеют развеселить людей своим отвязанным поведением. Но сегодня тут устроил бенефис Кевин. Он за короткий промежуток времени умудрился стать вожаком стаи, подчинил себе самых агрессивных самцов, а потом занялся дрессировкой подчинённых: выклянчил у кого-то банан, соорудил хлыст из верёвок и с помощью политики кнута и пряника стал отрабатывать цирковые трюки. У него хорошо получалось, поскольку между дрессировщиком и обезьянами существовало повышенное доверие и понимание по причине принадлежности к одному виду. Если бы у Юли были руки, она бы хлопала громче других.

Слон и бегемот развлекали публику, бросаясь со скалы в водоём. Жираф залез на дерево и оттуда кукарекал. На хвосте павлина, разложенном веером, явно просматривались вальты, дамы и тузы. А по зоопарку тем временем стали бродить различные животные (включая хищных львов и тигров), будто бы

сошедшие со страниц книги «Свидетелей Иеговы». Внимания на них никто из людей не обращал, да и они на людей тоже. Большинство клеток оказались распахнутыми настежь, но даже смотрителей это не волновало. Вновь прибывшие удивлялись только поначалу, но потрепав леопарда по холке, понимали, что так здесь заведено, и шли получать удовольствие от игры в жмурки с медведями и росомахами.

***

К полудню компания выдохлась от трудов и перебралась в Макдональдс подкрепиться. Правда, уже в облике человеческом. Делились впечатлениями, жевали извлеченную из рюкзака еду. Заказывали и печально знаменитые гамбургеры, но тут же превращали их во что-нибудь другое, более съедобное. Алекс сотворил себе традиционную американскую индейку, символ Дня Благодарения, и сам съел её целиком. Он очень проголодался, пребывая в теле шакала — сгнившее мясо ему категорически не понравилось. А Юля, наоборот, к еде не притронулась. Она не ощущала тяжести съеденных накануне угощений, но сам вид еды ей почему-то был противен.

Она решила отлучиться в уборную и посмотреть на себя теперешнюю, так сказать, со стороны. Зеркало предложило ей приятной внешности девушку, несколько, правда, потрёпанную и излишне возбуждённую. Набрав полные ладони холодной воды, она окунула в получившийся миниатюрный водоём лицо и продержала его там, пока вода не улетучилась сквозь пальцы. Сколько же всё-таки дополнительных усилий приходится прикладывать женщинам, чтобы выглядеть более-менее сносно. А тем же зебрам не нужно тратить полжизни на туалет — всегда в форме. А амёбам?

Скрипнула дверь — кто-то ещё хотел привести себя в порядок. Юля, даже не успев толком сообразить, что же она делает, прислонилась спиной к стене и съехала на пол, по ходу превращаясь в бесформенный и бесцветный кисель. Вошедшая в уборную женщина вскрикнула и в испуге зажала себе рот рукой.

- Помогите, - тихо сказала Юля, придавая своему русскому акценту голливудскую выпуклость. - Умираю.

Женщина оторопело смотрела на лежащее перед ней существо, борясь с брезгливостью и ужасом, но всё же ей пришлось подойти и склониться к беспомощному чудовищу.

- Я съела двадцать гамбургеров и выпила три литра колы, - продолжила спектакль Юля.

Женщина боязливо дотронулась до желе указательным

пальцем. Юля напряглась и вытянула из своего туловища с десяток присосок и щупалец, которые тут же мягко обхватили руку милосердной женщины.

- Вызовите мне скорую!

Женщина с криком бросилась вон.

В туалет стали заглядывать любопытные, причём, обоего пола, пока, наконец, двери властно не распахнулись, пропуская внутрь представителей медицины. Эти повидавшие виды люди осмотрели место происшествия, похмыкали, посовещались и принесли необходимый инвентарь. Укладывание нового Юлиного тела на носилки сопровождалось руганью, тем более что она сама им мешала, перетекая с одного края на другой, а когда им всё-таки удалась погрузка, и они понесли её к фургону, Юля проделала последний фокус: плюхнулась на асфальт, забрызгав киселём зевак.

- Забавляешься? - спросил склонившийся над ней Кевин.

- Прощай, мой друг! - ответила амёба и, вытянув гуттаперчевые губы сантиметров на пятьдесят вперёд, поцеловала его, оставив на щеке куски слизи.

Концерт продолжился в приёмном отделении, где Юле вручили первым делом анкету для заполнения и спросили, какая у неё страховка.

- Дома! Дома все документы остались! А вчера случился пожар. Вот меня и разбил паралич от горя. Спасите!

Не могла она сообщить ни адреса, ни телефона, а только помнила имя.

- Меня зовут Пич Джелли! - повторяла больная и прибавляла никому не интересные подробности: - Я лютеранка. Голосовала на прошлых выборах за Де Голя.

Дипломированные врачи совещались между собой по поводу диагноза, а клерки размышляли, по какой статье расходов провести нового пациента. Прибыла и полиция, но пока не вмешивалась. Не исключено, что и люди ФБР были уже на полпути, и где-то по мирным улицам катила бронетехника.

Когда покончили с формальностями, Юлю просветили рентгеном, провели УЗИ, померили давление и решили после этого взять кровь. Тут-то их и ждала катастрофа: при первом же касании иглы, к потолку взвился фонтан бурой жидкости, и остановить его не было никакой возможности. Жгуты не помогали. Да какие там жгуты — требовалась корабельная помпа. Панику никак не уменьшали крики существа «убивают!», которые слышны были и на улице. Ошарашенный персонал, перепачканный с ног до головы киселём, выбежал из палаты в коридор в полном составе, и Юля смекнула, что ей даётся шанс

выскользнуть из цепких рук вивисекторов и избавить их от неминуемого позора. Выпрыгивать в окно ей не хотелось, поэтому она просто вернулась в образ зебры и скромно встала у стены, жуя подушку.

Исчезновение амёбы взволновало вернувшийся персонал, но никак не меньше, чем свалившаяся с луны зебра. Чтобы убрать из палаты животное, пришлось вызвать специальную службу и разворотить окно, куда Юлю вынесли на цепях краном.

- Эти звери сегодня будто с ума посходили, - невольно подслушала она разговор двух зевак. - По всему городу их ловят.

- Совсем мэрия за порядком не следит, - поддакнули из толпы.

***

Пробуждении хулиганки было неспешным и сладким. Она смаковала моменты прожитого дня в памяти, улыбаясь и подхихикивая сама себе. Час, наверное, так продолжалось, а потом её взгляд упал на детский надувной телефон, такой же, как у клоуна Полунина в знаменитой сценке про кино. Юля притянула его к себе, взяла трубку и набрала номер в Москве без всяких дополнительных цифр:

- Мамочка, дорогая! Я очень тебя люблю и скучаю! - сказала она, когда ответили.

- Я тоже тебя очень люблю, - ответили на том конце планеты немного удивлённо. - Что-то случилось?

- Ты не представляешь, как я тебе благодарна за то, что уговорила меня поехать.

- Мама плохого не посоветует.

- Да. А я была дурой.

- Ну, не надо так категорично...

- А брат твой — он самый лучший дядя на земле. Хотя и странный, как ты и говорила.

- Все люди странные, - ответила родительница. - Кто в большей степени, кто в меньшей. И это ещё смотря с какой точки зрения судить. Для кого-то и я странной покажусь. Как он там, кстати?

- Весь в делах. А почему вы все эти годы с ним не виделись? Почему он к нам не приезжал?

Послышался глубокий мамин вздох.

- Как это ни печально, дитя моё, но общение друг с другом нам не приносит удовольствия. Слишком много разногласий. И характер у нас обоих ещё тот — никто никому не уступит.

- Родственников ведь не выбирают, - попыталась

нравоучительствовать Юля.

Мать на секунду замолчала.

- Давай обсудим это, когда вернёшься.

- А если не вернусь?

- Тогда обсудить ничего не получится.

А сама постановка вопроса, значит, маму не расстроила. Интересно. Но не удивительно. Ещё немного, и она вообще забудет, что такое удивляться. С этими мыслями она и вышла из спальни, чтобы встретить на кухне «дядю Борю» Ко с чашкой утреннего кофе.

- Ну, и правильно, - сказал он вместо здрасьте. - Я тоже давно перестал задаваться вопросами и искать на них ответы. Я просто живу. И какая разница, где явь, а где сон. Где правда, а где ложь. Не мы это придумали, не нам над этим и голову ломать.

- В сказке комфортнее?

- И комфортнее тоже. - Он придирчиво осмотрел племянницу, как будто увидел впервые. - А ведь ты — настоящая порода Журавлёвых. Нашенская от пяток и до кончиков ушей.

- А мама? Она другая, да? Вы с ней совсем непохожи.

Ко вздохнул, но не обреченно, а так, с лёгкой грустинкой.

- Тому есть простое объяснение: ты мне не племянница, а дочь.

***

На бордволке в тот день было малолюдно. Откуда-то подул ветер, чересчур прохладный для июля, разогнал отдыхающих и праздношатающихся. Юля добралась до своей любимой груды камней на берегу и просидела там часа два, если не больше, отдаваясь плавному течению детских воспоминаний. От некоторых из них становилось стыдно, от других шли мурашки по коже, а третьи просто вызывали улыбку.

Во втором классе она наврала подружкам, что ей купили собаку. И породу придумала, и кличку — Комета. А собаки не было. Было лишь фото космической путешественницы на стене — то ли Белки, то ли Стрелки. И были родители, ни в какую не желавшие дома шерсти и дополнительных ежедневных забот. И Юля её выдумала. Все уши подружкам прожужжала. В том числе и тем, у кого дома жили питомцы настоящие. И решили они Юлю наказать. Придём к тебе в гости завтра, сказали, и ни о каком приглашении тут речи не шло. Юля встретила их ещё у двери подъезда, предупредила, что собака служебная, злая, может и покусать. Ничего, посмеялись над ней, потерпим. Веди. Перед дверью в квартиру Юля разыграла ещё один спектакль:

подождите, сказала гостям, я запру монстра в кладовке. Когда они зашли в квартиру и захотели взглянуть на собачку хотя бы одним глазком, то получили категорический отказ. Тут и родители не велели, и собачьи зубы были слишком острыми. Никакими уговорами не удалось им Юлю одолеть и стали они насмехаться и дразнить её врушей. Тогда она заплакала и сказала, чтобы они сами, на свой страх и риск пошли и посмотрели, а она снимает с себя всю ответственность. Делегация удалилась по направлению к кладовке и долго не возвращалась. А когда они всё-таки появились, то лица их были испуганными. Очень большая собака, сказали они и быстренько покинули квартиру. Юля в надежде открыла кладовку, но, конечно, никакой Кометы там не обнаружила. Видать, струсили подружки и побоялись потом признаться в этом. Но вот теперь Юля думала: ведь, может, собака-то и была. Только она не могла тогда её увидеть. Как не видела комбинаций на доске «клеточников» или не понимала состава, из которого сварен коктейль.

А теперь что же? Инициация пройдена, так получается?

Вернувшись домой окоченевшая, она заварила крепкого чаю и оттаяла. Позвонила Игорю в Москву, сказала, что между ними всё кончено. Игорь только хлюпал носом и грозился кое-кому набить морду в Нью Йорке. Ещё обзывал её бабочкой-однодневкой, думал, что обидит.

- Нет, Игорек. Любовь исчезла так быстро, потому что её не было вовсе. Я ведь о тебе даже ни разу не вспомнила за все эти дни. Прощай.

Повесив трубку, она распахнула окно. Ледяной воздух ударил в лицо, но она даже не зажмурилась и, взобравшись на подоконник, крикнула:

- Кевин!

Юноша не заставил себя долго ждать. Возник, повиснув в воздухе, молотя забавными прозрачными крылышками за спиной. И прыщик свой, видать, выдавил накануне — на его месте красовался почти что синяк. Ну и зря.

- Значит, всё-таки эти дурацкие эльфы, - полуигриво-полуобиженно произнесла Юля себе под нос, практически проворчала, как старая ведьма.

- Нет, никакие мы не эльфы, - усмехнулся Кевин. - Это я так, поприкалываться над тобой.

- А имя мне менять будут?

- А какое бы ты хотела себе имя, прекрасная принцесса Ай?

Сергей Боровский
Houston, 2015